

ки униатского и православного мышления в аспекте идентичности. И униатской, и православной идентичности того времени было свойственно сильное осознание нарушенности связей, осознание несоответствия действительности ее желательному состоянию. Это идентичность людей, живущих в эпоху больших перемен, фиксирующих большие изменения в обществе и стремящихся переосмыслить и упорядочить эти изменения, приспособив факты реальности под более цельные системы сознания.

Литература и источники

1. Слово «русский» употребляется здесь как форма прилагательного ко слову «Русь» (в том числе и в этнонимическом смысле) без ассоциаций с его значениями в русском литературном языке советского и постсоветского времени.
2. (Смотрицкий М.) *Obrona Verificaciey (Wilno, 1621)* // Архив Юго-Западной России, часть 1, том 7. Киев, 1887.
3. *Supplementum Synopsis* // Архив Юго-Западной Руси, ч.1, том 7. Киев, 1887.
4. Вишенский, И. Книжица // Вишенский, И. Сочинения / И. Вишневецкий. Москва, 1955.
5. (Смотрицкий М.) *Elenchus pism vszczypliwych. Wilno, 1622. C.612.* // Архив Юго-Западной России, ч.1, том 8, вып.1. Киев, 1914.
6. *Smotrzycki M. Exęthesis abo Expostulatia... Dermań, 1629.*
7. *Smotrzycki M. Paraenisis abo napomnienie... Kraków, 1628.*
8. *Smotrzycki M. Apologia peregrinatiey do Kraiow Wschodnych. Lwów, 1628.*
9. *Kreuza L. Obrona iedności cerkiewney. Wilno, 1617.*

ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ 1596 ГОДА КАК ПОЛЬСКО-ИЕЗУИТСКИЙ ПРОЕКТ ЭТНОЦИДА (ЗАПАДНОРУССКОГО) БЕЛОРУССКОГО НАРОДА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

*Криштанович Л.Е.
(Минск, Беларусь)*

Формально церковная уния была союзом или объединением православной церкви на территории Беларуси, Украины и Литвы с католической на условиях подчинения православного духовенства Римскому Папе и признания основных догматов католицизма при сохранении православной обрядности. Объединение православия с католичеством привело к образованию так называемой униатской церкви или, другими словами, греко-католической.

Церковной унии предшествовала идеологическая подготовка со стороны католического духовенства и правительства Речи Посполитой. Еще в 1577 г. иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви Божьей», в которой обосновывал верховенство римского бискупа¹ над всем христианским светом, в том числе и над восточными патриархами. Отсюда Петр Скарга выводил идею объединения русской и католической церковью под главенством Римского Папы. В третьей части своей книги он убеждал, что уния необходима в интересах самих православных христиан, что никакой опасности от унии нет, что спасение только в ней одной. Это издание польского иезуита было посвящено русскому православному князю Константину Константиновичу Острожскому. Скарговские идеи о церковной унии полностью воспроизводили все последующие сторонники униатства.

Князь Константин Константинович Острожский первоначально и сам склонялся к унии, считая ее главным фактором консолидации го-

¹ Бискуп – название католического епископа для славянских народов.

сподствующего класса и прекращения внутренних трений в самой православной церкви (намек на существующие раздоры между братствами и владыками).

Правда, князь оговаривал возможность введения унии рядом условий, наиболее важные из них заключались в требовании ограждения имущественных прав православной церкви, в согласии самих восточных патриархов на унию как духовных пастырей русской церкви в Речи Посполитой, в присоединении к унии народа московского и волошского, об учреждении школ и наук вольных для «народа тутошнего Русского».

Желали унии и православные владыки, которые никак не могли смириться с контролем их духовной власти со стороны братств. Православные владыки, завидовавшие положению католических бискупов, мечтали через унию освободиться от вмешательства мирян в церковные дела. Показателен в этом плане аргументация луцкого епископа Кирилла Терлецкого Ипатию Потею. Смысл ее таков: «Патриархи открыли дорогу в Москву, будут часто туда наезжать для получения подарков от московского государя, а значит, и нас не минуют и будут хозяйничать в наших епархиях, вот уже и братства устраивают. Польский король дает уряды до живота, а патриарх за мелкие проступки нас этого может лишить. Не лучше ли отступить от патриархов и до послушенства папежского приступить, возможно, мы даже станем сенаторами» [1, с. 211–212].

Стремилась к унии и польско-литовские феодалы, которые, видя оживленные отношения восточных патриархов с Москвой, побаивались установления тесных национально-религиозных связей между белорусскими православными братствами и Московской патриархией. Польско-литовским правительством уния рассматривалась в качестве барьера на пути воссоединения Беларуси и Украины с Россией. Разумеется, самую широкую поддержку униатским замыслам оказывала римская курия.

Практическое осуществление церковной унии оказалось значительно более трудным делом, чем это задумывалось иезуитами и правительством Речи Посполитой. Тот же Петр Скарга во втором издании своей книги «О единстве церкви Божьей» (1590), посвященной уже не князю Константину Острожскому, а королю Сигизмунду III, вынужден был признать, что трудно обратить русских в другую веру, поскольку свою религию они основывают на предках и старине. Становилось ясным, что и условия, выдвинутые Константином Острожским, не могли быть приняты ни одной из сторон. Католическое духовенство вряд ли соблюдало бы нейтралитет в вопросе о православном церковном имуществе и стремилось бы прихватить его в свои руки.

Но, как бы то ни было, большинство православных владык во главе с митрополитом Михаилом Рагозой, желая полностью освободить себя от опеки православных братств и духовной власти восточных патриархов, в союзе с правительством и королем Речи Посполитой тайно вели дело к принятию унии. В письме Киевского митрополита Михаила Рагозы польскому гетману Замойскому и в наказе православных епископов королю Сигизмунду III в декабре 1594 г. излагаются условия, на основании которых высшая православная иерархия согласна перейти под верховенство Римского Папы. «Первое. Все церкви и епископии греческой религии навеки сохраняют свои обряды и церемонии. Второе. Место в сенате и почет в сейме. Третье. Духовная власть восточных патриархов не распространяется на митрополита и владык. Четвертое. Монахи из Греции, т.е. посланники патриархов, не допускаются в Речь Посполитую и не пропускаются в Московскую землю. Пятое. Отмена патриарших постановлений о православных братствах. Шестое. Указанные условия подтверждаются грамотой короля Сигизмунда III, написанной латинским и русским письмом» [1, с. 79–80].

Догадываясь о тайных происках православных епископов, князь Константин Острожский 24 июня 1595 г. издает окружное посла-

ние для православных в Королевстве Польском и Великом Княжестве Литовском, в котором убеждает твердо стоять в православной вере и предупреждает митрополита с епископами о недопустимости введения новомышленной унии. Вскоре от сторонников унии отпал один из ее главных инициаторов львовский владыка Гедеон Балабан. Он заявил, что проект унии составлен в нарушение всех правил православной веры, прав и вольностей русского народа, без воли самого православного населения и без ведома и дозволения патриархов и духовного собора. А поэтому уния не имеет законной силы. Затем к противникам унии перешел владыка перемышльский Михаил Копыстенский. Но наиболее деятельные сторонники церковной унии во главе с владимирским владыкой Ипатием Потеем и луцким владыкой Кириллом Терлецким при поддержке короля Сигизмунда III ведут дело к подчинению православной церкви Римскому Папе. Механизм введения унии был прост: православные владыки должны были признать верховенство Римского Папы, иначе они не допускались до управления своими епархиями. В жалованной грамоте короля Сигизмунда III архимандриту Кобринского монастыря Ионе Гоголю на Пинскую и Туровскую епископию и протонотарию Киевского митрополита Григорию Загорскому на Полоцкую архиепископию прямо указывалось, что они должны принять верховенство «папежа Римского и ему послушенство отдать, которое до того часу патриарсе Константинопольскому признавали и отдавали» [1, с. 119].

24 сентября 1595 г. король Сигизмунд III публично объявил о соединении православной и католической церквей и об отправлении епископов-униатов, т.е. Ипатия Потей и Кирилла Терлецкого в Рим. Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий в ноябре 1595 г. прибыли в Рим, где были официально приняты Папой Климентом VIII. Была зачитана грамота по-латински и по-русски о воссоединении русской церкви с римским костелом. В ознаменование этого события была выбита памятная медаль с надписью *Ruthenis receptis* в знак присоединения

русской церкви к Риму. Как же реагировал русский народ (нынешние белорусы и украинцы) на этот акт церковного объединения?

Православное население, включая и духовенство, заявило о предательстве митрополита и епископов и через своих депутатов подало протест на Варшавский сейм в начале 1596 г., требуя, чтобы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий, которые отступили от Православной веры, были лишены церковного сана, а всем обывателям земли волынской, киевской, брацлавской, русской король дал новых православных епископов. Сигизмунд III не принял протеста депутатов русского народа, тогда князь Константин Острожский от имени депутатов заявил, что православные не будут признавать Потей и Терлецкого своими епископами.

14 июня 1596 г. король Сигизмунд III издал окружную грамоту литовско-русскому православному духовенству и мирянам, в которой разрешил митрополиту Михаилу Рагозе созвать Церковный собор в Бресте для окончательного суждения об унии. На соборе разрешалось присутствовать православным и католикам, а «иные люди розное веры на тот синод не были припущаны» [1, с. 135].

И вот 6 октября 1596 г. собрался в Бресте высший цвет духовной и светской знати. С самого начала возникли два враждебных стана. Православные собрались в большом частном доме, так как брестский староста^{2*} Дмитрий Халецкий велел запечатать соборную церковь святого Николая. Со стороны православных присутствовали: Никифор Фока, экзарх^{3*}

Константинопольского патриарха; владыки львовский и перемышльский Гедеон Балабан и Михаил Копыстенский; князь Константин Острожский, воевода киевский, староста владимирский и маршалок^{4*} земли волынской; его сын Александр Острожский, воево-

^{2*} Староста – глава местной администрации.

^{3*} Экзарх – церковная должность, означавшая наместника высшего церковного начальника.

^{4*} Маршалок – высшая гражданская должность.

да волынский и староста переяславский; православное духовенство и множество православной шляхты. Сторонники унии были представлены митрополитом Киевским и пятью владыками. Кроме них, были послы Римского Папы Климента VIII: Ян Дмитрий Соликовский, арцыбискуп (архиепископ) львовский; Бернард Мацеевский, бискуп луцкий; послы королевские: князь Николай Криштоф Радзивилл, воевода Троцкий; Лев Сапега, канцлер литовский; Дмитрий Халецкий, подскарбий^{5*} литовский. Все попытки обеих сторон достичь компромисса не увенчались успехом.

8 октября 1596 г. в соборной церкви святого Николая униаты объявили свое решение о вступлении их в союз с римской церковью и признании над собой верховной власти Папы Климента VIII и его преемников. Архиепископ полоцкий Герман (Гермоген) на пергаментном листе зачитал текст унии. В этом документе кратко излагалась церковная история, свидетельствующая, по мнению униатов, что Римский Папа является главой всего христианского мира, а константинопольские патриархи, от которых произошла русская вера, верховенству столицы Римской церкви подчинялись и от нее благословение брали. Далее говорилось, что, несмотря на отступничество восточных патриархов от Римской церкви, всегда к последней возвращались, как это и произошло на Флорентийском соборе в 1439 г., когда Константинопольский патриарх Иосиф и византийский император Иоанн Палеолог приняли решение о церковном соединении. Особенно отмечалось, что именно на этом Флорентийском соборе присутствовал наш Киевский и всея Руси митрополит Исидор, который все церкви в крае русском в послушание и верховенство римского костела привел. Далее шло обвинение патриархов в отступничестве от Римского Папы и в потворстве ересям, которые «всю Русь опановали». В заключении указывалось, что униаты, не желая быть участниками греха константинопольских патриархов и невольства поганского и не желая

^{5*} Подскарбий – казначей, заведующий финансовым и государственным имуществом.

церковного разъединения, отправили в прошлом году своих послов к Римскому Папе Клименту VIII, чтобы он принял их под свою руку и от верховенства патриархов константинопольских освободил, сохраняя в униатской церкви обряды и церемонии православной веры [1, с. 139–141]. Подписали унию митрополит Киевский Михаил Рагоза, владыка владимирский и брестский Ипатий Потей, владыка луцкий и острожский Кирилл Терлецкий, архиепископ полоцкий, витебский и мстиславский Герман, владыка пинский и туровский Иона Гоголь, владыка холмский и бельский Дионисий Збируйский.

Узнав о происшедшем событии, православное собрание (коло), заседавшее в частном доме, со своей стороны издало соборную грамоту, в которой объявило о низложении святительского сана с Киевского митрополита Михаила Рагозы и владык, принявших унию. Со своей стороны, митрополит и епископы-униаты также издали грамоту о низложении сана с перемышльского и львовского владык и тех архимандритов и игуменов, протопопов и попов, которые отреклись присягнуть унии [1, с. 149].

Каковы же последствия церковной унии? Привела ли она к тому согласию (згоде) между различными вероисповеданиями, как об этом говорил Петр Скарга? Оказывается, нет. Напротив, церковная уния вызвала еще большее ожесточение между православием и католичеством, чем это было до унии. Прав был автор «Апокрисиса», отметивший, что, судя по первым шагам унии, вместо церковного соединения положено начало раздорам и мятежам, которые могут привести к гибели или, по крайней мере, к смятению в Речи Посполитой [2, с. 296].

Следует заметить, что введение унии нисколько не затрагивало существующего положения католической церкви. Фактически объединялось не православие и католичество, а происходил перевод части православной церкви в разряд униатской. Уния не объединила христиан, а разделила русскую церковь на православную и униатскую. Сама же униатская церковь была не самостоятельной церков-

ной организацией, а промежуточной ступенью на пути перехода от православия к католицизму. Униаты, как всякие ренегаты, были большими католиками и злейшими преследователями православных, чем Римский Папа и его иезуиты. Уния имела определенную установку: сделать в Речи Посполитой всех латинянами-католиками. Статус-кво для католической церкви и нарушение этого принципа для православной – что могло быть более несправедливым в глазах человека русской веры. В супликации (жалоба, просьба) православной шляхты и мещан в 1624 г. на имя польского сената по поводу насильственного насаждения церковной унии говорилось следующее: «Никто не хочет знать, что отступники наши (униаты. – Л.К.) стоят на том, чтобы русские не оставались в Руси, чтобы, говорим, русская святая вера, чудотворно пришедшая по Божьему велению с Востока, не была в русской церкви; она же не может быть уничтожена раньше, чем будет уничтожен русский народ. Следовательно, пытаться изменить веру русского народа является стремлением уничтожить русский народ, а стремиться уничтожить русский народ, кто этого не видит, является безумным стремлением истребить немалую часть нашей отчизны...» [3, с. 179]. Фактически церковная уния была направлена на денационализацию самосознания западнорусского народа (современных белорусов и украинцев), то есть на его ментальное уничтожение и превращение в бессловесных рабов. В своей речи в Сенате князь Константин Острожский прямо обвинил короля Сигизмунда III в насильственном насаждении унии. «За веру православную наступаешь на права наше, ломаешь вольности наше, и наконец на сумнение наше налегаешь: чим присягу свою ломаешь, и то што – кольвек еси для меня учинил, в нивошто остатнею ласкою своею оборочаешь... Але вижу, иж то к остатней згубе всее короны Польское идет...» [1, с. 219].

Несправедливый и незаконный характер унии в отношении православной религии был очевидным не только для православного на-

селения, но и для виднейших государственных деятелей того времени. Напрасно Петр Скарга, защищая униатов, доказывал, что решение православного собрания в Бресте о низложении епископов-униатов незаконно, потому что ваша (православных) сходка (схажка) не только собором не может называться, но даже и сеймиком шляхетским. В церковный вопрос активно включился король Сигизмунд III. В окружной грамоте к русскому народу 15 декабря 1596 г. говорилось: «... вам воеводам, старостам, державцам, тивуном, самым и наместником и врядником их, также войтом, бурмистром, райцом, лавником приказуем, штобы есте и сами тому постановленью синоду Берестейского ни в чом противны не были, и других подданных наших, которые бы тому сопротивлялися, карали...» [1, с. 157]. Насильственное вмешательство королевской власти в церковные дела, разумеется, ничего доброго не могло обещать самому государству. «Ничто не причиняет так скоро ослабления и падения государства, – говорил король Стефан Баторий, – как насилие, преследование веры» [4, с. 268].

Со всей определенностью можно утверждать, что церковная уния, как она замышлялась иезуитами и польско-литовским правительством, не достигла своей цели. Поскольку с православными было велено поступать как с преступниками, то уния не потушила религиозные распри, а послужила той искрой, от которой разгорелось пламя национально-освободительной войны белорусского и украинского народов под предводительством Богдана Хмельницкого. Таким образом, церковная уния представляла собой польско-иезуитский проект этноцида западнорусского (белорусского) народа. Что подобный вывод не плод досужей мысли, а отражение реальной социально-политической и национально-религиозной ситуации, которая сложилась на белорусских и украинских землях после введения унии, доказывает красноречивое письмо литовского канцлера Льва Сапегы к полоцкому униатскому архиепископу Иосафату Кунцевичу, написанное 12 марта 1622 г.. Приведем наиболее характерные вы-

держки из него. «Это правда, – писал Лев Сапега, – что я сам являюсь автором унии, но я не мог предполагать, что Ваша милость будет обращать людей в унию насильственными действиями... Ты, Ваша милость, пишешь, что политикой не интересуешься, а я добавлю и Речью Посполитой, ибо от их (православных. – Л.К.) повиновения в Речи Посполитой зависит больше, чем от унии Вашей милости... Укажи, Ваша милость, кого привлек, кого поймал ты своей суровостью, резкостью, запечатыванием, закрытием церквей. Напротив, тех, которые уже были в послушании Вашей милости в Полоцке, оттолкнул от себя, из овечек сделал козлищами, ввергая тем самым общество и государство в опасность, обрекая нас, католиков, на погибель. Ваша уния нам только навредила, и лучше бы нам было без нее, из-за нее у нас постоянные хлопоты, заботы, трудности. Поистине прекрасная уния, которая возбуждает в людях и в государстве постоянные замешательства... Что касается полочан и других бунтующих против Вашей милости, то скажу: возможно, они и бунтовщики. Но Ваша милость сама дала им повод для бунта и сделала бунтовщиками... Вот почему мы не желаем, чтобы эта бесполезная уния принесла и чинила вред обществу и государству» [5, с. 76–80]. Комментировать этот ценнейший исторический источник, ярко освещающий антибелорусскую сущность польско-иезуитской церковной унии, не приходится.

Сегодняшняя социально-политическая и духовно-культурная ситуация в Беларуси во многом напоминает, разумеется, понимая историческую относительность подобной аналогии, время польско-иезуитской церковной унии. В этом аспекте совсем неумно выглядит попытка «белорусизаторов» (этих современных скаргианцев) связать возрождение белорусской культуры с такой формой «национальной церкви» как униатство [6, с. 6]. Куда бы ни шло еще православие, которое в Беларуси в определенное время, начиная от возникновения Великого княжества Литовского и кончая примерно второй половиной XIX в., играло прогрессивную роль в деле защиты национального

развития белорусского народа. Но выдавать униатство в качестве национальной религии белорусов – значит становиться на точку зрения, какой хотите идеи, но только не белорусской. «Белорусизаторская» интеллигенция и прозападные партии не прочь разыграть в своей антинародной игре не только политическую, но и религиозную карту. Современные скаргианцы, выставяющие яркого противника русской православной веры и белорусского народа униата Иосафата Кунцевича великим святым Беларуси, а униатство «национальной религией» белорусов, заботятся на самом деле не о возрождении белорусской национальной культуры, а ставят своей целью осуществить латинофикацию и иезуитизацию общественного сознания, что неминуемо приведет к денационализации нашего народа. Вместо действительного свободомыслия и светского мировоззрения белорусскому народу навязываются клерикальные рецепты иезуита Петра Скарги и религиозное насилие униата Иосафата Кунцевича, ведущие к национальной и гражданской конфронтации в белорусском обществе. Подобная антинациональная политика чревата огромными социальными потрясениями в нашем государстве и, в конечном итоге, лишает белорусский народ подлинной перспективы национального развития.

Литература и источники

1. Акты Западной России. – Санкт-Петербург, 1851. – Т. 4.
2. Апокрисис Христофора Филалета. – Киев, 1870.
3. Уния в документах: Сборник / сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. – Минск, 1997.
4. Коялович, М. Лекции по истории Западной России / М. Коялович. – Москва, 1864.
5. Памятники философской мысли Беларуси XVII – первой половины XVIII в. – Минск., 1991.
6. Міжнародны Кангрэс у абарону дэмакратыі і культуры. / Посттаталітарнае грамадства: асоба і нацыя». – Мінск., 1994.